

Инфантьев Порфирий Павлович

**В амурской тайге. Рассказ из
жизни тунгусов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П60

П60 **Порфирий Павлович И.**
В амурской тайге. Рассказ из жизни тунгусов / Инфантьев Порфирий Павлович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 37 с.

ISBN 978-5-519-87126-6

ISBN 978-5-519-87126-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

рубилъ дровъ, сдѣлалъ костеръ, подвѣсилъ надъ нимъ котелокъ и началъ варить изъ принесенной имъ крупы кашу, въ которую положилъ изъ мѣшка нѣсколько кусковъ сала. Когда каша поспѣла, онъ отвязалъ отъ своего пояса маленькаго деревяннаго истуканчика, котораго всегда носилъ съ собой, вымазалъ ему саломъ губы, побрызгалъ изъ фляжки на огонь ханшину*) и разбросалъ затѣмъ по сторонамъ половину каши въ жертву Духу горъ и тайги, произнеся при этомъ такую молитву:

— Великій Духъ!
Я тунгусъ бѣдный, часто хвораю,—нога болить, рука болить, долго ходить по тайгѣ не могу. Пошли въ мои пленки лучшаго соболя, на стрѣлу мою—оленья, въ ловушку—кабаргу, на ружье—изюбря.

Произнеся эту молитву, Буягиръ доѣлъ остатки каши и, вставъ на ноги, снова сталъ чутко прислушиваться къ реву звѣрей, доносившемуся до него изъ тайги, разстилавшейся по ту сторону рѣки. Затѣмъ, сдѣлавъ знакъ собакамъ, онъ началъ спускаться вмѣстѣ съ нею внизъ къ рѣчкѣ.

Быль сентябрь. Стояла пора такъ нываемаго „изюбринаго рева“— время самое интересное для охоты. „Изю-

Изюбрь, или мараль.

*) Рисовая водка.

бриный ревъ“ начинается обыкновенно въ августѣ и продолжается до октября. Въ это время въ наиболѣе глухихъ мѣстахъ тайги, въ падахъ и ущельяхъ горъ, гдѣ-либо близъ ключей и рѣчекъ происходитъ спариваніе изюбрей. Начиная съ конца августа, каждый старый самецъ-изюбрь подбираетъ себѣ стадо матокъ головъ въ 10—15 и въ первое время, согнавъ ихъ въ кучу, оставляетъ гдѣ-либо поблизости отъ себя въ безопасной лѣсной чащѣ, а самъ забирается въ лужи и болота и проводитъ тамъ по цѣлымъ часамъ или стоя неподвижно, или катаясь и барахтаясь въ тинѣ. Но, по мѣрѣ развитія страсти, онъ уже не отходитъ отъ своего стада, не позволяетъ самкамъ отдѣляться и все время гоняетъ ихъ взадъ и впередъ, а въ случаѣ непослушанія — жестоко бьетъ ихъ рогами, ногами и грызетъ зубами, возбуждаясь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Наконецъ, разгоряченный до крайней степени, онъ начинаетъ торжествующе реветъ. Реветъ по цѣлымъ днямъ въ теченіе всего періода спариванія до такой степени, что шея его за это время страшно разбухаетъ и покрывается длинными волосами, а подъ брюхомъ появляется пятно чернаго цвѣта. Ревъ изюбры, начинающійся съ низкихъ нотъ и кончающійся самыми высокими, разносится по тайгѣ за много верстъ. Заслышавъ голосъ стараго самца, возрастъ и величину котораго легко узнать по силѣ его голоса, молодой изюбрь робко старается скрыться, а въ такомъ же сильномъ, старомъ самцѣ этотъ ревъ вызываетъ лишь ревность. Онъ смѣло принимаетъ вызовъ и съ отвѣтнымъ ревомъ мчитъ на своего соперника. Происходитъ отчаянная, иногда очень продолжительная схватка, нерѣдко кончающаяся смертью одного изъ борющихся. А въ результатъ торжествующій побѣдитель присоединяетъ къ своему стаду и стадо своего соперника.

Во время изюбриного рева обыкновенно стонъ стоитъ по всей тайгѣ. Все животное царство оживляется и приходитъ въ движеніе. Къ безпрестанному реву изюбрей присоеди-

няется зычный крикъ кабарги, фырканье рыси, лай красныхъ волковъ, ревъ тигра. Послѣдній иногда очень удачно подражаетъ реву изюбрей и ловко пользуется ихъ оплошностью, подзывая ихъ къ себѣ на вѣрную гибель.

II.

Спустившись подъ кручу къ горной, бурливой рѣчкѣ, Буягиръ пошелъ вдоль берега, высматривая, гдѣ бы ему поудобнѣе черезъ нее переправиться, какъ замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ упавшій поперекъ нея толстый стволъ дерева, по которому и началъ переходить на ту сторону. Но вдругъ онъ увидалъ на стволѣ, покрытомъ слоемъ снѣга, слѣды соболя.

„Э,—подумалъ охотникъ:—тутъ можетъ быть пожива“.

Соболь обыкновенно любитъ переходить рѣчки по подобнымъ переправамъ, и охотники, зная его привычки, пользуются этимъ и часто даже нарочно перебрасываютъ съ одного берега на другой, возлѣ того мѣста, гдѣ замѣтять слѣды соболя, какой-либо стволъ дерева, а на немъ ставятъ пленку, состоящую изъ волосяной петли, прикрѣпленной къ пригнутому и придерживаемому небольшимъ крючечкомъ сукъ. Идя по стволу, соболь неминуемо попадетъ головой въ петлю; крючокъ, придерживающій сукъ, срывается, сукъ выпрямляется и вздергиваетъ вверхъ попавшагося соболя.

Этотъ способъ лова соболя тѣмъ удобенъ, что шкура его не портится, какъ при стрѣльбѣ изъ лука или ружья, и, вздернутый на воздухъ, онъ не можетъ угодить въ пищу другимъ звѣрямъ.

Буягиръ, конечно, не преминулъ тотчасъ же поставить на стволѣ дерева пленку, замаскировавъ ее древесными вѣтками, а самъ, перейдя на ту сторону рѣчки, углубился въ тайгу.

Здѣсь ревъ изюбрей сдѣлался еще явственнѣе, и Буягиръ, остановившись, поднесъ къ губамъ бывшую въ его рукахъ берестяную трубу и тоже издалъ ревъ, подобный изюбриному. Почти тотчасъ же въ глубинѣ тайги послышался отвѣтный ревъ. Буягиръ снова затрубилъ; отвѣтный ревъ слышался ближе. Видно было, что изюбрь быстро приближается навстрѣчу своему предполагаемому противнику. Буягиръ продолжалъ трубить, подманивая звѣря, но вдругъ тотъ замолкъ, повидимому, почуявъ что-то недоброе, хотя и чувствовалось, что онъ уже тутъ, неподалеку. Тогда Буягиръ зашуршалъ ногами по сухимъ листьямъ и валежнику и снова затрубилъ, чтобы подразнить звѣря и заставить его выйти изъ-за прикрытія. Заслышавъ хрустъ сухихъ сучьевъ, изюбрь вообразилъ, что его соперникъ идетъ на него, и въ свою очередь, бросившись впередъ, выскочилъ передъ самымъ носомъ охотника. Буягиръ поднялъ ружье и выстрѣлилъ въ звѣря почти въ упоръ. Огромный изюбрь свалился на землю. Охотникъ, дожидаясь, когда прекратится агонія умирающаго звѣря, принялся снимать съ него шкуру.

„Ну, теперь будетъ чѣмъ накормить семью, когда она придетъ сюда“, — подумалъ онъ.

Снявъ шкуру и изрѣзавъ мясо изюбря на куски, Буягиръ сдѣлалъ на деревѣ нѣчто въ родѣ шалаша, въ который и запряталъ мясо, чтобы предохранить его такимъ образомъ отъ хищныхъ звѣрей, а самъ отправился въ тайгу разставлять ловушки на пушного звѣря. Къ вечеру онъ вернулся на это же самое мѣсто, развелъ костеръ, приготовилъ изъ изюбринаго мяса ужинъ, наѣлся и, прикурнувъ около подножія дерева, заснулъ сномъ праведника подъ охраною своей вѣрной собаки. А едва забрезжило утро, онъ снова былъ на ногахъ и снова, наскоро устроивъ себѣ завтракъ, отправился осматривать настороженные наканунѣ ловушки. Молитва его Великому Духу оказалась услышанной: въ поставленной имъ пленкѣ висѣлъ большой, прекрасный соболь.

III.

По соображеніямъ Буягира, его жена должна была прибыть на это, указанное ей заранѣе, мѣсто не позднѣе сегодняшняго дня. Здѣсь онъ предполагалъ проохотиться до конца ноября, а потомъ отправиться къ Яблонову хребту, гдѣ водились самые цѣнные во всей Сибири соболи, гдѣ было у него зимнее стойбище и гдѣ онъ „соболевалъ“ по зимамъ.

Къ вечеру, когда онъ снова пришелъ сюда на ночлегъ, изъ тайги, со стороны нижняго теченія рѣчки, показалось нѣсколько оленей, навьюченныхъ разнымъ домашнимъ скарбомъ, при чемъ на одномъ изъ нихъ сидѣла верхомъ молодая женщина, на другомъ — мальчикъ лѣтъ восьми, а къ шеѣ третьяго была привязана берестяная колыбелька, въ которой спалъ грудной ребенокъ.

Это была жена Буягира — Кукуиръ съ дѣтьми.

Кукуиръ была одѣта въ красную суконную юбку, обшитую синей каймой, охватывающей сзади большую прорѣху. На шеѣ у нея было длинное бѣличье боа, которымъ позаимствовалась и европейская мода; въ ушахъ — серьги, а все платье было увѣшано кистями и разными мелкими предметами домашнего обихода.

Женѣ Буягира было всего 23 года, такъ что разница въ лѣтахъ между нимъ и его женой была довольно значительная. Но тунгусы вообще женятся довольно поздно, не ранѣе 30—35 лѣтъ, а женъ берутъ лѣтъ 12—14. Объясняется это тѣмъ, что за жену нужно платить калымъ, сообразно которому ей дается родителями и приданое, представляющее единственное имущество, съ которымъ молодые вступаютъ въ самостоятельную жизнь, такъ какъ женихъ отъ своего отца ничего не получаетъ. Такимъ образомъ, чтобы достать калымъ и имѣть возможность существовать

хотя первое время на приданое жены, тунгусъ долженъ долго работать и копить этотъ калымъ.

Жена Буягира вышла замужъ за него почти еще дѣвочкой и уже въ 15 лѣтъ родила ему первого ребенка.

Послѣ радостныхъ восклицаній при встрѣчѣ отца со своимъ семействомъ, жена охотника быстро развѣячила

Бродячіе тунгусы.

олений, уложивъ въ образцовомъ порядкѣ сѣдла и вьюки, а узды и вожжи повѣсила на древесныя вѣтви, небольшое же оленье стадо отогнала въ лѣсную чащу. Буягиръ тѣмъ временемъ срубилъ нѣсколько длинныхъ жердей, изъ которыхъ его жена составила остовъ конической урасы, которую обтянула поверхъ замшевымъ пологомъ. На полу ея она разстелила, вмѣсто тюфяковъ, тонкія вѣтви срубленной Буягиромъ лиственницы, а по срединѣ разложила костеръ.

Скоро въ урасѣ сдѣлалось тепло и уютно. Тунгуска повѣсила надъ огнемъ котелокъ съ чаемъ, и семья, весело

болтая и рассказывая про дорожныя приключенія, усѣлась распивать любимый китайскій напитокъ, пока готовился болѣе существенный ужинъ.

Жили они здѣсь до самой зимы, до начала зимнихъ морозовъ, наступающихъ обыкновенно въ началѣ ноября. Буягиръ ставилъ силки на соболя, лучки-самострѣлы на выдру, лисицу, хорька, кабаргу и проч., и каждое утро ходилъ осматривать свои ловушки, пробѣгая на лыжахъ огромныя разстоянія и въ то же время охотясь съ ружьемъ на оленей, козуль и другихъ звѣрей, цѣнныхъ главнымъ образомъ своимъ мясомъ.

А жена Буягира въ это время оставалась дома со своими ребятами, за воспитаніемъ которыхъ она, впрочемъ, очень мало наблюдала, какъ и вообще всѣ тунгуски, такъ какъ у нея было много другихъ заботъ по хозяйству. Но старшій восьмилѣтній мальчикъ былъ уже вполне самостоятельнымъ и не нуждался въ материнскихъ попеченіяхъ: онъ уже начиналъ самъ промышлять нѣкоторыхъ звѣрей, ставилъ на нихъ ловушки и хорошо стрѣлялъ изъ лука. А маленькій по большей части лежалъ въ колыбелькѣ на сухихъ опилкахъ съ погремушкой изъ зубовъ оленя или соболиныхъ челюстей да козьихъ копытъ и забавлялся ими. Мать заглядывала къ нему только затѣмъ, чтобы покормить его грудью или молокомъ оленя.

Большую часть своего свободнаго времени Кукуиръ употребляла на шитье нарядовъ, такъ какъ была, какъ и всѣ тунгуски, большой франтихой и любила наряжаться въ платья яркихъ цвѣтовъ, расшитыхъ разными узорами и бисеромъ и увѣшанныхъ многочисленными бездѣлушками.

IV.

Однажды Буягиръ вернулся домой нѣсколько ранѣе обыкновеннаго и, вынувъ изъ одного, находившагося на пе-

ревязи мѣшечка небольшой, но тяжелый, фунта въ полтора, блестящій предметъ, подалъ его своей женѣ и проговорилъ:

— Угадай-ка, что это такое?

Та взяла въ руки поданную ей вещь и съ радостнымъ изумленіемъ, засіявъ отъ удовольствія, воскликнула:

— Золото!

— Да. Это самородокъ. Это стоитъ нѣсколькихъ соболей,—подтвердилъ мужъ.

— О, Буягирь! Теперь мы купимъ всего, всякихъ нарядовъ и всякихъ запасовъ надолго. А гдѣ ты его нашелъ?

— Въ горномъ ручѣ. Сталъ переходить черезъ ручей, вижу, что-то блеститъ въ водѣ. Я разулся, вошелъ въ воду и досталъ. Оказался самородокъ.

— Можетъ, тамъ еще были?

— Нѣтъ, смотрѣлъ, ничего больше не было, кромѣ мелкаго песку съ блестящими крапинками.

И, сидя подлѣ огонька и распивая чай, они долго еще разговаривали о находкѣ и строили разные планы.

Буягирь зналъ, что золото цѣнится русскими и китайцами очень дорого, но объ истинной его стоимости онъ не имѣлъ настоящаго представленія. Онъ зналъ, что за этотъ кусокъ золота можетъ получить больше, чѣмъ за двухъ или даже трехъ соболей, но никакъ не думалъ, что въ дѣйствительности его находка могла бы обезпечить его на многіе годы, если бы онъ сумѣлъ ею распорядиться, какъ слѣдуетъ. Ему не было извѣстно, что золото можно продать за деньги, а деньги положить на храненіе въ банкъ въ городѣ и брать ихъ оттуда по мѣрѣ надобности. Человѣкъ онъ былъ темный, даже ни разу не бывавшій въ городѣ, такъ какъ и городовъ-то въ Амурской тайгѣ нѣтъ на разстояніи тысячъ верстъ кругомъ. О существованіи же денегъ онъ тоже имѣлъ лишь самое смутное представленіе, потому что въ тайгѣ ихъ нѣтъ, а все, что ему было нужно, онъ прибрѣталъ въ обмѣнъ на добытыя имъ шкуры звѣрей,

при чемъ единицей стоимости была шкурка бѣлки, а болѣе крупной монетой считался соболь, къ цѣнѣ которыхъ и приравливались цѣны всѣхъ другихъ товаровъ. Къ тому же и понятія о богатствѣ и бѣдности у бродячихъ инородцевъ свои, отличныя отъ нашихъ. Богатъ, по-ихнему, тотъ, кто имѣетъ кредитъ у купца, снабжающаго ихъ всѣмъ необходимымъ въ ихъ быту, и чѣмъ больше у тунгуса долгъ, тѣмъ онъ считается богаче.

И высшее честолюбіе тунгуса заключается въ томъ, чтобы добиться неограниченнаго кредита у своего постоянного поставщика и какъ можно больше забирать у него въ кредитъ. А такъ какъ тунгусы—самый честный народъ, на слово котораго всегда можно полагаться, и такъ какъ всякій купецъ знаетъ, что, давая въ долгъ тунгусу, онъ не только ничѣмъ не рискуетъ, а, напротивъ, приобретаетъ себѣ постоянного доходнаго кліента, который будетъ считать своимъ долгомъ чести не оставлять и не мѣнять его уже до тѣхъ поръ, пока не уплатитъ ему всего своего долга, то купцы и стараются опутать ихъ такъ, чтобы они оставались у нихъ въ вѣчной кабалѣ и всю свою жизнь до самой смерти промышляли на своего кредитора, да и умирая завѣщали бы сыну выплачивать оставшіеся долги.

Благодаря всему этому Буягиръ не придавалъ своей находкѣ особеннаго значенія. Такія находки въ Амурской тайгѣ не составляютъ чего-либо исключительнаго: онѣ дѣлаются довольно часто и сбываются обыкновенно за безцѣнокъ, при случаѣ, людямъ, знающимъ въ нихъ толкъ.

Въ тайгѣ Амурской области заключены несмѣтныя золотonosныя богатства. По увѣреніямъ нѣкоторыхъ инженеровъ, производившихъ тамъ развѣдки, это—страна, по своему богатству золотомъ ничѣмъ не уступающая ни Клондайку ни Калифорніи. Золото въ ней встрѣчается всюду: и въ руслахъ рѣкъ, и въ горахъ, и въ долинахъ. Но, до присоединенія этого края къ русскимъ владѣніямъ, обитавшіе

въ области бродячіе инородцы не умѣли промывать золота и потому довольствовались только случайными находками самородковъ, которые сбывали, какъ и теперь сбываютъ, по большей части въ Китай.

Правильная разработка золота на золотыхъ приискахъ въ Амурской области началась почти тотчасъ же по присоединеніи этого края къ Россіи, всего лишь около 50 лѣтъ тому назадъ, и въ теченіе этихъ 50 лѣтъ золота намыто въ Амурской области въ общей сложности 13.429 пудовъ на сумму около 246 мил. руб., и добыча его съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается. Теперь на амурскихъ приискахъ ежегодно намываютъ 500—600 пудовъ, такъ что изъ всего золота, добываемаго въ Европейской Россіи и Сибири, на долю Амурской области приходится львиная часть, около одной пятой. Бѣда лишь въ томъ, что самыя богатѣйшія золотоносныя розсыпи находятся на сѣверѣ области, въ гористыхъ, недоступныхъ мѣстахъ, въ безлюдныхъ тущобахъ мрачной сибирской тайги, гдѣ нѣтъ никакихъ дорогъ и куда влѣдствіе этого доставка провизіи для рабочихъ и всякихъ другихъ припасовъ и нужныхъ для дѣла машинъ и инструментовъ обходится страшно дорого, а стало-быть, и добыча золота обходится тоже баснословно дорого.

V.

Въ ноябрѣ, когда наступили холода, Буягиръ съ семьей отправился въ свою отцовскую вотчину, находившуюся въ развѣтвленіяхъ Яблонова хребта и отстоявшую за нѣсколько сотъ верстъ отъ верховьевъ рѣки Селемджи, лѣваго притока р. Зеи, притока Амура, гдѣ онъ до сихъ поръ промышлялъ звѣря. Такъ какъ во время пути ему пришлось заниматься охотой, то, идя впереди семьи, онъ на каждой стоянкѣ пазначалъ своей женѣ мѣсто слѣдующаго